

УДК 811. 16'34 – 115"18 / 19"
DOI: 10.17223/19986645/72/2

В.А. Глущенко, А.В. Пискунов

ФЕНОМЕН ПРАЯЗЫКА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ МОСКОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Исследована проблема праязыка в трудах ученых московской школы. Праязык рассматривали как языковую систему (с конкретными особенностями на фонетико-фонологическом и морфологическом уровнях), представляющую динамическое явление (праязык раннего / позднего периодов). В праязыке допускалась диалектная дифференциация. Реконструкция праязыка трактовалась буквально, имела избыточный характер. Моделировались дивергентные и конвергентные процессы. Использовались ретроспективная и обратная реконструкция.

Ключевые слова: праязык, лингвистическая реконструкция, реальная языковая система, праязык раннего и позднего периодов, диалектная дифференциация, дивергентные и конвергентные процессы, ретроспективная и обратная реконструкции

В XIX – начале XX в. в европейском сравнительно-историческом языкознании активно обсуждалась проблема праязыка. Значительный вклад в ее решение внесли ученые московской лингвистической (фортунатовской) школы, однако, поскольку их взгляды можно с достаточной полнотой понять и интерпретировать лишь в контексте научных работ их предшественников и современников, в данной статье мы обращаемся и к научному наследию ученых харьковской, лейпцигской, казанской лингвистических школ, а также таких исследователей, как А.Х. Востоков, А. Шлейхер, И. Шмидт и др.

К сожалению, мы вынуждены констатировать факт недостаточности лингвоисториографических исследований по проблеме праязыка, осуществленных на основе системного анализа значительного по объему конкретного материала. Несмотря на то, что в конце XX – начале XXI в. круг исследуемых проблем праязыковой реконструкции расширился, не все аспекты реконструкции праязыка изучены с надлежащей полнотой. И одна из причин этого заключается в том, что работ по истории языкознания, в которых освещалась бы праязыковая проблема, публикуется очень мало. Проблема праязыка лишь косвенно затрагивается в некоторых исследованиях [1–3]. В частности, не дается ответа на вопрос о том, как ученые московской школы и их современники трактовали праязык – как реконструкт или как реальную языковую систему; видели ли они в праязыке статическое или динамическое явление; как они соотносили праязыковую реконструкцию и генеалогическую классификацию языков. Эти вопросы затрагиваются в наших публикациях [4–6]. Однако в них феномен праязыка рассматривается в кругу других феноменов, связанных с реконструкцией и не является самостоятельным предметом исследования. Предлагаемая статья, надеемся, восполнит эту лакуну.

Освещая специфику феномена праязыка в трудах ученых московской школы, мы будем стремиться раскрыть взгляды лингвистов на следующие основополагающие вопросы: 1. Является ли праязык реальной языковой системой, или же его необходимо рассматривать как только реконструкт? Статическое или динамическое явление представляет собой праязык? Праязыку присуща монолитность, или же для праязыков допускается диалектная дифференциация? 2. Имеет ли феномен праязыка методологическую ценность? Можно ли вообще реконструировать праязык? Как следует трактовать реконструкцию праязыка: в буквальном смысле или с осознанием определенной условности реконструкции? Возможно ли реконструировать праязык как динамический феномен? Следует ли ориентироваться на реконструкцию диалектных праязыковых явлений? Как соотносятся праязыковая реконструкция и генеалогическая классификация языков? 3. Каким должен быть характер праязыковой реконструкции – проспективным или ретроспективным?

1. Для А. Шлейхера праязык (а он, как известно, оперировал индоевропейским языковым материалом, реконструируя праиндоевропейский язык) был реальной языковой системой: это средство общения древних индоевропейцев. Поэтому на реконструированном праиндоевропейском языке можно составлять тексты. Хрестоматийным примером стала написанная А. Шлейхером басня на праиндоевропейском языке.

Большинство младограмматиков (ученые лейпцигской лингвистической школы) также трактовало праязык как реальную языковую систему. Именно такой была позиция А. Лескина, Г. Остгофа, Г. Пауля. Противоположную позицию занимал Б. Дельбрюк, который воспринимал праязык как только реконструкт [7. С. 16–17]. Аналогичными были взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. Он интерпретировал праязыки как «фикции, которым никогда не соответствовало никакой реальности» [8. Т. I. С. 131]; праязыки «...в том виде, как они воссоздаются наукою, представляют не комплексы действительных явлений, а только комплексы научных фактов, добытых дедуктивным путем» [8. Т. I. С. 70].

Ученые московской лингвистической школы признавали праязык как таковой, а в «предыстории» восточнославянских языков – такие праязыки, как праиндоевропейский, балто-славянский, праславянский, правосточнославянский. Эти праязыки в реконструкциях ученых московской школы предстают как реальные феномены. Показательным является капитальный труд А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» [9], в котором реконструированы архетипы и фонетические законы этих праязыков как реальных систем. Наряду с указанными праязыками А.А. Шахматов выделял эпоху южно-восточнославянского языкового единства, не придавая ему статуса праязыка [9. С. 99–108]. Сходным путем шел Б.М. Ляпунов, но он, в отличие от А.А. Шахматова, писал об эпохе западно-восточнославянского языкового единства [1. С. 165–166]. Кроме того, при изучении истории западнославянских языков А.А. Шахматов выделял общезападнославянское «промежуточное состояние» [11. С. 254, 276], не употребляя и в этом случае термина *праязык*.

При этом праязык предстает как динамический феномен: как и всякому языку, ему присуща возможность развития, поэтому для каждого рассматриваемого праязыка (например, праславянского языка) могут быть выделены как минимум два периода: начальный (период «выделения» из предшествующего праязыка; для праславянского языка это балто-славянский язык) и конечный (период «распада»). Между этими двумя периодами могут реконструироваться «промежуточные эпохи». Иллюстрируя это положение материалом славянских языков, Ф.Ф. Фортунатов писал: «Между этими двумя периодами общеславянского (праславянского. – В.Г., А.П.) языка, между начальной эпохой его существования и последним периодом, наука может открывать и промежуточные эпохи в жизни этого языка из сопоставления фактов обоих этих периодов» [12. С. 22].

Концепция А. Шлейхера не предусматривала наличия в праязыках диалектных явлений.

Иначе подходили к этому вопросу ученые московской школы. Для праязыков допускалась диалектная дифференциация, однако, по мнению представителей московской школы, значительные диалектные явления в праязыках возникают в конечном периоде существования праязыка – в периоде накануне «распада». Так, А.А. Шахматов, говоря об «общерусском праязыке», имел в виду правосточнославянский язык раннего периода – от момента «выделения» из праславянского языка до возникновения в правосточнославянском значительных диалектных различий. Этот последний, т. е. правосточнославянский язык позднего периода с присущими ему значительными диалектными различиями, А.А. Шахматов называл древнерусским языком. Таким образом, в концепции А.А. Шахматова «общерусский праязык» и древнерусский язык представлены как два периода развития одного и того же языка. Это отразилось и в терминах: в некоторых случаях А.А. Шахматов писал не об общерусском и древнерусском языках, а о соответствующих периодах.

Согласно А.А. Шахматову в VIII–IX вв. «общерусский праязык» распался на севернорусское, восточнорусское и южнорусское наречия [9. С. 288]. Это время и является началом древнерусского периода (древнерусского языка), который просуществовал до конца XIII – начала XIV в. – времени возникновения самостоятельных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского). Отметим также, что, как считал А.А. Шахматов, некоторые диалектные различия существовали и в «общерусском праязыке» [9. С. V–VI].

Таким образом, по мнению А.А. Шахматова, значительные диалектные различия в праязыках возникают в конечном периоде их существования, однако некоторые диалектные различия могут быть присущи и праязыкам раннего периода. Это положение логически выводится из идеи постепенности языковых изменений, которой придерживались Ф.Ф. Фортунатов и его ученики.

2. Методологическую ценность понятия праязыка и возможность и важность его реконструкции вслед за А. Шлейхером [13. S. 109–110] при-

знавали К. Бругман [14. С. 39], Б. Дельбрюк [7. С. 18], И.А. Бодуэн де Куртенэ [8. Т. I. С. 70] и другие языковеды. Такой же была позиция ученых московской лингвистической школы [9. С. XX; 15. С. 24–25]. В частности, Ф.Ф. Фортунатов подчеркивал: «Таким образом, изучая историю известного языка, лингвист путем правильного сравнения этого языка с языками, родственными по происхождению, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными с ним языками» [15. С. 24].

Как трактовалась реконструкция праязыка: в буквальном смысле или с осознанием определенной условности реконструкции?

Приведем положение Р. Якобсона о двух тенденциях в реконструкции праиндоевропейских архетипов на фонологическом уровне: с одной стороны, речь идет о «наивном эмпиризме» с его стремлением к «фонографической фиксации индоевропейских звуков», с другой – об «агностическом отказе от изучения системы индоевропейских фонем» [16. С. 103]. Несомненно, это положение имеет общелингвистическое значение и может быть применено к праязыковой реконструкции как таковой (с учетом различных уровней языковой системы). В связи с этим отметим, что при буквальном понимании реконструкции возникает опасность реконструкции не языковых, а речевых единиц, а поскольку речевые единицы реконструировать невозможно, это может приводить к неубедительным результатам (с низкой экспланаторностью). Противоположная же позиция ведет к агностицизму.

Как известно, первая из этих тенденций была последовательно реализована А. Шлейхером [13]. Большинство младограмматиков также трактовало лингвистическую реконструкцию как воссоздание языковых фактов прошлого в буквальном смысле. Именно такой была позиция А. Лескина, Г. Остгофа, Г. Пауля.

Подобным образом подходили к праязыковой реконструкции и ученые московской школы: праязыки в их работах предстают как реальные феномены с присущими им конкретными особенностями на фонетико-фонологическом и морфологическом уровнях, при этом на фонетико-фонологическом уровне реконструировались не только языковые, но и речевые факты. В этом случае есть основания говорить об избыточности реконструкции, которая заключается в воссоздании разнообразных «оттенков» звуков (фонем). В качестве примеров таких «оттенков» можно привести разграничение А.А. Шахматовым кратких, полукратких, долгих, полудолгих гласных, гласных [ö] и [o], мягких и полумягких, лабиализованных и полублабиализованных согласных, звуков [i] неслогового и [j] [9. С. 1–2, 286, 305–306].

Реконструкция «оттенков» в трудах ученых московской школы была связана с тем, что приоритетным источником изучения истории языка они считали современные диалектные данные. Возможности древних письменных памятников в этом плане ограничены: письмо не может передать «оттенков» тех или иных звуков, это подвластно лишь слуху в «живой ре-

чи» [17. С. 8–9]. В связи с этим А.А. Шахматов отмечал, что «небольшой в наше время оттенок» дает исследователю возможность реконструировать «большие различия и резко разграниченные явления в прошлом» [17. С. 9]. На это же указывал Е.Ф. Будде [18. С. 7]. Таким образом, ученые Московской школы были уверены в том, что многие современные различия между языками и диалектами можно объяснить различиями, существовавшими в праязыке. По мнению С.К. Булича, именно такая установка заставляла Ф.Ф. Фортунатова и его учеников реконструировать в праязыках тончайшие и разнообразные «оттенки» звуков. С.К. Булич отметил, что этот «прием» не является специфической чертой московской школы, однако никто из языковедов не применял его столь широко и систематически [19. С. 323].

Вторую тенденцию реализовал И. Шмидт. Его учитель А. Шлейхер в значительной мере идеализировал праязык. Однако собранные компаративистами факты поставили под сомнение корректность предложенной А. Шлейхером реконструкции праиндоевропейского языка и экспланаторность праязыковой модели. В связи с этим представляется закономерным то обстоятельство, что наряду с теорией «родословного древа» А. Шлейхера возникла еще одна теория, которую обычно называют «волновой» и связывают с именами И. Шмидта [20] и Г. Шухардта [21]. И. Шмидт пришел к выводу, в определенной мере закономерному для автора «волновой» теории: праиндоевропейский язык следует рассматривать как «научную фикцию». По мнению И. Шмидта, материал индоевропейских языков разных групп свидетельствует о том, что ни один из реконструируемых архетипов не может рассматриваться как элемент праиндоевропейского языка; любой архетип территориально ограничен внутри индоевропейского языкового континуума [20. S. 15–17].

Подобным образом подошел к проблеме и Б. Дельбрюк. Прежде всего отметим, что он указывал на чрезвычайную сложность проблемы интерпретации реконструированных архетипов. Буквальная трактовка вызывала у Б. Дельбрюка решительное неприятие. Он воспринимал архетипы и фонетические законы реконструированных праязыков как фикции, научные абстракции, полученные дедуктивным путем [7. S. 16–17]. В трудах Б. Дельбрюка много форм «под звездочкой», но автор не рассматривал эти формы как реальные словоформы реального языка. Именно Б. Дельбрюк первым всесторонне обосновал «агностическую» позицию [22. С. 24]. Он отмечал, что разные фонемы в составе реконструированной морфемы могут принадлежать разным хронологическим срезам праязыка, а отдельные параллельные формы могли возникнуть в родственных языках после «распада» праязыка [7. S. 19].

Не подлежит сомнению важность этого вывода для дальнейшей работы по совершенствованию лингвистической реконструкции. Вместе с тем учет указанных факторов, по мнению А.В. Десницкой и А.С. Мельничука, не дает достаточных оснований для нигилистической (свойственной позитивизму) оценки реальной значимости реконструируемых архетипов и фонетических законов. Такая позиция объективно приводила к снижению эффективности сравнительно-исторического исследования языков [16. С. 24]

к отрицанию «научной значимости той огромной работы по изучению родства индоевропейских языков, которая была осуществлена на протяжении ряда десятилетий» [23. С. 176].

Б. Дельбрюк и К. Бругман считали возможной реконструкцию отдельных элементов праязыка, а не праязыка в целом. В частности, неосуществимой задачей представляется реконструкция праиндоевропейского языка как языка, на котором в определенную эпоху и на определенной территории говорили древние индоевропейцы [7. S. 21; 14. S. 39]. Вместе с тем реконструкции архетипов и фонетических законов Б. Дельбрюк и К. Бругман уделяли значительное внимание.

Возможно ли реконструировать праязык как динамический феномен? Для ученых московской школы ответ на этот вопрос мог быть только положительным: поскольку они видели в праязыке динамический феномен с возможностью выделения в истории праязыка раннего и позднего периодов (см. выше), ученые московской школы ставили перед собой задачу реконструкции языковых особенностей этих периодов.

Большое внимание уделялось «промежуточным этапам». Реконструкцию «промежуточных» праязыков ученые московской школы рассматривали как необходимое условие достоверности историко-лингвистических исследований.

По мнению А.А. Шахматова, недостаточное внимание к праязыковым явлениям неизбежно приводит исследователя к неточным реконструкциям и неверным выводам.

Так, серьезным методологическим недостатком магистерской диссертации Е.К. Тимченко «Функции генитива в южнорусской языковой области» А.А. Шахматов считал выведение украинских форм родительного падежа непосредственно из праславянских, «минуя эпоху общерусского праязыка» [24. С. 59].

Ряд замечаний методологического характера содержит и развернутая рецензия А.А. Шахматова на книгу С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache». Считая этот труд «ценным приобретением для славяноведения», А.А. Шахматов вместе с тем отмечал, что грамматика С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера не внесла ничего нового в историческое и сравнительное изучение славянских языков, хотя авторы ставили перед собой такую цель. Раздел грамматики, посвященный вопросу о месте украинского языка среди других славянских, «с точки зрения исторической науки не выдерживает критики» [25. С. 7]. Такую резкую оценку А.А. Шахматова вызвали отрицание авторами правосточнославянского языка и выведение украинского языка непосредственно из праславянского [25. С. 8]. Не мог принять А.А. Шахматов и положение С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера о том, что между украинским и русским языками существует не большее родство, чем между другими славянскими; сходные черты украинского и русского языков следует объяснять их географическим соседством. Между тем украинский язык очень близок к сербскому, что нельзя объяснить этим фактором. Отсюда вывод

авторов грамматики о том, что в прошлом украинцы имели большую исконную языковую общность с сербами, а не с русскими.

Однако, по мнению А.А. Шахматова, этот вывод научно не обоснован. Критикуя положения С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера, А.А. Шахматов обращает внимание на хронологизацию явлений языковой истории, на необходимость разграничения ранних (праязыковых) и более поздних изменений. Он демонстрирует это на примере северновеликорусского и южновеликорусского наречий и указывает на значительные различия между ними в достаточно древних явлениях и на общие черты более позднего происхождения, что, по А.А. Шахматову, свидетельствует об относительно поздних объединительных процессах. Вместе с тем эти наречия имеют и много общих явлений древнего происхождения, объединяющих их с украинским и белорусским языками. Именно это позволяет говорить о православнославянском языке [25]. Рассмотрев языковой материал в грамматике С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера, А.А. Шахматов пришел к выводу, что ни один из десяти приведенных этими учеными признаков, объединяющих украинский язык с сербским и отличающих его от русского, не имеет силы научного аргумента. Главная причина этого заключается в отсутствии исторического подхода к языковым явлениям и в упрощенной локализации. Так, А.А. Шахматов отмечал, что сохранение звонкости согласных в конце слова не является особенностью, общей для украинского и сербского языков, поскольку в части украинских и сербских говоров здесь имеет место оглушение. Кроме того, этот признак не может свидетельствовать об особой древней близости указанных языков потому, что условия изменения звонких согласных в глухие возникли после падения редуцированных гласных [25. С. 17–18].

В рецензии на «Украинскую грамматику» А.Е. Крымского А.А. Шахматов высказал мнение, согласно которому историк украинского языка должен был бы более подробно охарактеризовать православнославянский язык. Это стало бы тем крепким фундаментом, на котором можно было бы строить историю восточнославянских языков. По мнению А.А. Шахматова, в книге А.Е. Крымского такого фундамента нет, а это привело к тому, что украинский язык «представлен в ней языком без рода, без племени» [26. С. 143].

Как отмечал А.А. Шахматов, в книге Л.В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» игнорируются «промежуточные состояния» – «обшелужичское» и «общезападнославянское», при этом звуки мужаковского говора выводятся непосредственно из праславянских. Это, по мнению А.А. Шахматова, недопустимо [11. С. 254, 276].

В основе шлейхеровской модели «родословного древа» лежит дивергенция (дифференциация) языков: первоначальный праязык распадается на ряд дочерних праязыков, которые, в свою очередь, делятся на новые языки, и т.д., вплоть до говора отдельного населенного пункта. Этой схеме следовали и младограмматики.

О дивергенции языков много писал и Ф.Ф. Фортунатов. Однако он уделял значительное внимание и конвергенции (интеграции) языков, что дает

основание говорить о теории дивергентно-конвергентной эволюции языка Ф.Ф. Фортунатова [27. С. 317].

По мнению В.К. Журавлева, есть основания говорить о том, что Ф.Ф. Фортунатов противопоставил свою теорию дивергентно-конвергентной эволюции языка теории «родословного древа» [27. С. 317]. Однако, на наш взгляд, принимая во внимание преемственность как важнейшую особенность развития науки, точнее было бы говорить о дальнейшем развитии теории «родословного древа» А. Шлейхера в теории дивергентно-конвергентной эволюции языка Ф.Ф. Фортунатова.

Ф.Ф. Фортунатов подчеркивал, что «историю какой-либо семьи языков нельзя представлять себе только как постепенное дифференцирование языков»; отношения родственных языков «могут быть гораздо более сложными»: разъединение, вновь соединение, опять распад и т.д., что объясняется историей «общественных союзов» [15. С. 70]. Идя за Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматов связывал конвергентные процессы с влиянием политических и культурных факторов. В связи с этим необходимо отметить, что ученые московской школы постоянно подчеркивали тесную связь дивергентно-конвергентных процессов с историей народа [15. С. 24–25, 69–71; 17. С. 11–12].

Предпочтение отдавалось дивергенции. Анализ трудов ученых московской школы показывает, что они исследовали главным образом дивергентные процессы. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, по мнению ученых московской школы, реально существует лишь язык отдельного индивида, а язык этнической общности представляет собой фикцию (этой точки зрения придерживались также Г. Пауль, И.А. Бодуэн де Куртенэ и многие другие ученые 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в.). Нет даже двух людей, говорящих совершенно одинаково. Существующие различия с течением времени возрастают. Во-вторых, усложнение связей между отдельными диалектами в истории языка ведет к тому, что наряду с разъединением осуществляется и объединение диалектов. Таким образом, чем далее в прошлое, тем меньший вес имеет конвергенция. Иначе говоря, дивергенция была характерна для ранних эпох истории того или иного языка, а конвергентные процессы усиливались в более позднее время.

На практике такой подход реализовал А.А. Шахматов, моделировавший конвергентные процессы для относительно поздних этапов «предыстории» и истории восточнославянских языков: для XII в. это падение редуцированных гласных (общевосточнославянский характер которого А.А. Шахматов объяснял объединяющей ролью Киева и влиянием древнекиевского койне), а для XIII в. – такое древнейшее общевеликорусское явление, как переход напряженных редуцированных в гласные [o], [e] [9. С. XLIX].

Таким образом, ученые московской школы вслед за А. Шлейхером и младограмматиками соотносили праязыковую реконструкцию с генеалогической классификацией языков, реконструируя не только праиндоевропейский, праславянский, правосточнославянский языки, но и балтославянский праязык и «промежуточные» состояния (см. выше).

3. Проведенный анализ трудов русских языковедов 20–60-х гг. XIX в. свидетельствует о том, что лингвистическая реконструкция в них имела проспективный характер. Так, А.Х. Востоков, стремясь расшифровать звуковое значение кириллических юсов и еров, шел от употребления этих букв в древних письменных памятниках к данным «живого» произношения в современных исследователю славянских языках [28. С. 7–13]. Такая методика применялась современниками А.Х. Востокова и в процессе праязыковой реконструкции.

Иначе подходили к реконструкции ученые харьковской лингвистической школы – А.А. Потехня, М.А. Колосов и П.И. Житецкий. Их исследованиям присущ ретроспективный характер лингвистической реконструкции, что получило в их трудах и теоретическое обоснование [29. С. 158; 30. С. IX; 31. С. 260]. Правда, ученые харьковской школы не считали реконструкцию праязыков важнейшей задачей историко-лингвистического исследования, на что прямо указывал П.И. Житецкий [31. С. 259].

Намного больший вес имеет праязыковая реконструкция в трудах ученых московской школы. Ей свойствен ярко выраженный ретроспективный характер, что хорошо видно на примере реконструированных А.А. Шахматовым таких фонетических законов, как [ɛ] > [ǣ] носовое > [a] > [a]; [e] > [ō] > [o]; [ь] > [ь] переднее > [o]; [e] > [ǣ] > [a]; [ē] > [ǣ] долгое > [a], хронологически соотнесенных с праславянским и правосточнославянским языками [9. С. 117–119, 126, 134–136].

Надежность результатов исследования ученые московской школы связывали с ориентацией на современные диалектные данные как приоритетный источник изучения истории языка и с ретроспективным характером лингвистической реконструкции [26. С. 144].

Ученые московской школы активно использовали в дополнение к ретроспективной обратную реконструкцию, представляющую собой разновидность внешней реконструкции. И это закономерно: обратная реконструкция позволяет воссоздавать факты «промежуточных» языков. Размышляя о моделировании соответствующих языковых явлений, А.А. Шахматов писал, что сравнительно-историческое изучение родственных языков неминуемо приводит исследователя к реконструкции праязыка; сравнение фактов этого праязыка с явлениями современных языков и языков, зафиксированных в древних письменных памятниках, дает возможность исследовать «промежуточные» явления, связывающие в единую нить факты разных эпох.

В применении к истории восточнославянских языков использование обратной реконструкции связано с таким источником изучения истории языка, как данные других славянских языков (западно- и южнославянских) [17. С. 127, 299; 32. С. 18–22; 33. С. 11]. Так, Н. Н. Дурново указывал: «Сравнивая русский язык (восточнославянские языки. – В.Г., А.П.) с другими славянскими языками, мы получаем представление о фактах общеславянского языка, т. е. такого языка, от которого произошли все славянские языки, в эпоху его распада, т. е. в то время, с которого начинается

независимое существование русского и других славянских языков» [32. С. 18]. Это позволяет определить «начальный момент в истории русского (православнославянского. – В.Г., А.П.) языка» [32. С. 18]¹.

Конечным же моментом для компаративиста выступают современные восточнославянские языки. Задача лингвиста в этом случае заключается в том, чтобы вести исследование из «двух пунктов» [33. С. 11]. На материале восточнославянских языков это означает осуществление ретроспективной реконструкции (от современных восточнославянских языков к православнославянскому) и как бы навстречу ей – обратной (от уже реконструированного на материале славянских языков праславянского к тому же православнославянскому).

Такой принцип систематизации материала лежит в основе многих трудов ученых московской школы, в частности шахматовского «Очерка древнейшего периода истории русского языка» [9]. В начале лингвистической части книги А.А. Шахматов дает обзор фонетических явлений праславянского языка перед его «распадом», причем источником их реконструкции выступает материал современных славянских языков [9. С. 1–98]. Это дает возможность в дальнейшем реконструировать явления «эпохи южно-восточнославянского единства» и перейти к характеристике православнославянского языка, причем основными источниками реконструкции православнославянских архетипов выступают, с одной стороны, явления современных восточнославянских языков (ретроспективная реконструкция), с другой – уже реконструированные архетипы праславянского языка (обратная реконструкция) [9. С. 108–160]².

В качестве примера можно рассмотреть исследование А.А. Шахматовым мягких согласных перед гласными переднего ряда в православнославянском языке. Изучая мягкие консонанты, А.А. Шахматов, во-первых, обращается к материалу современных восточнославянских языков (ретроспективная реконструкция). Он отмечает, что во всех восточнославянских языках мягкими являются согласные перед рефлексами [ě], перед [а] (< [ę]) и [а] (< [ǣ] долгому), перед утраченным [ь], перед [о] и другими рефлексами православнославянского [ö] (< [e], [ь]). Наличие в украинском языке твердых согласных перед исконными [и], [е] ученый интерпретирует как «позднейшее отверждение» [9. С. 126–127]. Во-вторых, А.А. Шахматов выводит мягкие согласные православнославянского языка из «полумягких»

¹ А.А. Шахматов считал лекционный курс старославянского языка Ф.Ф. Фортунатова [12] основополагающим и для изучения истории восточнославянских языков, поскольку в нем охарактеризован тот древнейший период, который предшествовал выделению православнославянского языка из праславянского и обусловил характер дальнейшего развития восточно-, западно- и южнославянских языков.

² Ученые московской школы последовательно выводили православнославянские фонетические явления из праславянских; они выступают как закономерный результат развития праславянской фонетики. Фонетические архетипы и законы православнославянского языка исследованы во многих трудах ученых московской школы. См.: [9. С. 108–160; 10. С. 173–184; 12. С. 22–256; 25. С. 11; 32. С. 143–155] и другие работы.

праславянского [9], что следует интерпретировать как обратную реконструкцию. «Полумягкие» консонанты, в свою очередь, реконструируются на материале всех славянских языков: поскольку в южнославянских языках, в отличие от восточно- и западнославянских, представлены твердые согласные перед гласными переднего ряда, для праславянского языка следует реконструировать не мягкость, а именно «полумягкость», которая легко объясняет как мягкость (восточно- и западнославянские языки), так ее отсутствие (южнославянские языки, кроме некоторых болгарских говоров) перед гласными переднего ряда [9. С. 60].

Подобным образом, используя материал индоевропейских языков, ученые московской школы реконструировали праславянский язык древнейшего периода [12; 17. С. 300, 338–340].

Литература

1. Академик А.А. Шахматов – жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). / ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. 1037 с.
2. Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 471 с.
3. Макаров В.И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: повесть об академике А.А. Шахматове. СПб. : Алетей, 2000. 390 с.
4. Глуценко В.А. П.Г. Житецкий і О.О. Шахматов: методологічний аспект // Мовознавство. 2019. № 4. С. 35–48.
5. Глуценко В.А. Порівняльно-історичний метод в українському та російському мовознавстві XIX ст. – 30-х рр. XX ст. : монографія. Слов'янськ : Вид-во Б.І. Маторіна, 2017. 255 с.
6. Глуценко В.А., Піскунов О.В. Лінгвістична реконструкція у працях учених Московської школи. // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика та літературознавство : міжвуз. сб. наук. ст. / відп. ред. В.А. Зарва. Бердянськ, 2010. Вип. 5, ч. 1. С. 53–65.
7. Delbrück B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1919. VIII, 168 s.
8. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 391 с.
9. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. 1915. Вып. 11. XXVIII, II, L. 369 с.
10. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1968. С. 163–202.
11. Шахматов А.А. Заметки по истории лужицких языков: По поводу книги Л.В. Щербы: Восточнолужицкое наречие. Т. 1 (С приложением текстов). Пг., 1915 // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1916. Т. 21, кн. 2. С. 237–276.
12. Фортунатов Ф.Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Избр. тр. : в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 3–256.
13. Schleicher A. Compendium der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861. Bd 1. XVI, 432 s.; Weimar, 1862. Bd 2. XII, 416 S.
14. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904. XXVIII, 777 S.

15. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. : в 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 21–197.
16. *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 97–108.
17. *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1908–9 уч. г.). Введение. 2-е [литогр.] изд. СПб., 1910–11. Ч. 1. 407 с.
18. *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896. 377, II с.
19. *Булич С.К.* Фортунатов (Филипп Федорович) // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 36. С. 322–323.
20. *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872. XIV, 148 s.
21. *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М. : Изд-во иностр. лит., 1950. 292 с.
22. *Мельничук А.С.* Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании // Актуальные вопросы сравнительного языкознания / отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1989. С. 20–32.
23. *Десницкая А.В.* Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 332 с.
24. *Шахматов А.А.* Наброски возражений на диспуте Тимченка. 23 февраля 1913 г. (Неопубликована праця) / публ. В.А. Глущенко // Мовознавство. 1984. № 4. С. 52–60.
25. *Шахматов О.О.* До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stocky und T. Gartner. Wien, 1913 // Україна. 1914. Кн. 1. С. 7–19.
26. *Шахматов А.А.* [Рец.:] А.Е. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. М., 1907–8 // Rocznik slawistyczny. 1909. Т. 2. С. 135–174.
27. *Журавлев В.К.* Московская фортунатовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 317–318.
28. *Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // Востоков А.Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 1–27.
29. *Потебня А.А.* История русского языка. Лекции, читанные в 1882–3 ак. г. в Харьковском ун-те / публ. С.Ф. Самойленко // Потебнянські читання / відп. ред. Г.П. Іжакевич. Київ, 1981. С. 119–168.
30. *Колосов М.А.* Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872. 192 с.
31. *Житецкий П.И.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. К., 1876. IV. 376 с.
32. *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 376 с.
33. *Поржезинский В.К.* Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, читанным на б. Высших женских курсах. Введение и фонетика. 3-е изд. М. : Госиздат, 1920. 152 с.

The Phenomenon of a Parent Language in the Works of Scholars of the Moscow Linguistic School

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 27–41. DOI: 10.17223/19986645/72/2

Vladimir A. Glushchenko, Alexander V. Piskunov, Donbass State Pedagogical University (Slavyansk, Ukraine). E-mail: sdpunauka@ukr.net / piskunov.oleksandr@gmail.com

Keywords: parent language, linguistic reconstruction, real linguistic system, parent language of early and final periods, dialect differentiation, divergent and convergent processes, retrospective and reverse reconstructions.

The problem of a parent language in the works of scholars of the Moscow linguistic (Fortunatov) school is studied. The authors of the article strive to reveal the linguists' views on the following fundamental questions: 1. Is a parent-language a real language system, or should it be considered as a reconstruction? Is a parent-language a static or dynamic phenomenon? 2. Does the phenomenon of a parent-language have a methodological value? How should the reconstruction of a parent-language be interpreted: literally or with awareness of a certain conventionality of reconstruction? Is it possible to reconstruct a parent language as a dynamic phenomenon? Should we focus on the reconstruction of dialectic parent-lingual phenomena? How do parent-language reconstruction and genealogical classification of languages correlate? 3. Which should be the nature of a parent-language reconstruction – prospective or retrospective? The Moscow school scholars considered a parent language as a dynamic phenomenon revealing early and final periods in its history. Though in the aspect of a parent language dialect differentiation was allowed, however, according to the representatives of the Moscow school, significant dialect changes in parent languages arose in the final period of the existence of a parent language – in the period on the eve of the “collapse”. According to A.A. Shakhmatov, some dialectal differences might be inherent in the parent languages of the early period. This point was logically inferred from the idea of the gradualness of linguistic changes, supported by F.F. Fortunatov and his followers. Linguistic reconstruction was treated as a reconstruction of the linguistic facts of the past in the literal sense: in the works by Fortunatov and his followers, parent languages were presented as real phenomena with their specific features at the phonetic-phonological and morphological levels, and both linguistic and speech facts were reconstructed. Taking into account Fortunatov's divergent-convergent language development theory, the scholars of the Moscow school studied mainly divergent processes. Following A. Schleicher and the neogrammarians, the scholars of the Moscow school correlated the parent-language reconstruction with the genealogical classification of languages and reconstructed not only the Proto-Indo-European, Proto-Slavonic, Proto-Eastern-Slavonic languages, but also the Baltic-Slavonic parent language and “intermediate” states. Reliability of research results obtained by the scholars of the Moscow school is connected with the direction towards modern dialect facts as a priority source of language history study and the retrospective character of linguistic reconstruction.

References

1. Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) (2015) *Akademik A.A. Shakhmatov – zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Academician A.A. Shakhmatov: life, activity, scientific heritage (on the 150th anniversary of birth)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Kolesov, V.V. (2013) *Istoriya russkogo yazykoznaniya: ocherki i etyudy* [History of the Russian linguistics: essays and studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Makarov, V.I. (2000) “*Takogo ne byst na Rusi prezhe...*”: *povest ob akademike A.A. Shakhmatove* [Such a person has never been in Russia: a story of academician A.A. Shakhmatov]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Glushchenko, V.A. (2019) P.H. Zhytetskyi and O.O. Shakhmatov: methodological aspect. *Movoznavstvo – Linguistics*. 4. pp. 35–48. (In Ukrainian).
5. Glushchenko, V.A. (2017) *Porivnialno-istorychnyi metod v ukrainskomu ta rosiiskomu movoznavstvi XIX st. – 30-kh rr. XX st* [Comparative-historical method in the Ukrainian and Russian linguistics of the 19th century – the 1930s]. Sloviansk: Vyd-vo B.I. Matorina. (In Ukrainian).

6. Glushchenko, V.A. & Piskunov, O.V (2010) Linhvistychna rekonstruktsiia u pratsiakh uchenykh Moskovskoi shkoly [Linguistic reconstruction in the works of the Moscow school scientists]. In: Zarva, V.A. (ed). *Aktualni problemy inozemnoi filolohii: Linhvistyka ta literaturoznavstvo* [Topical issues of foreign philology: linguistics and literature studies]. Vol. 5. Part 1. Berdiansk: BDPU. pp. 53–65. (In Ukrainian).
7. Delbruck, B. (1919) *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*. Leipzig.
8. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannye trudy po obshemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Moscow: USSR AS.
9. Shakhmatov, A.A. (1915) Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazika [Essay of the ancient period of the Russian language history]. In: *Entsiklopediya slavyanskoi filologii – Encyclopaedia of Slavonic philology*. Vol. 11. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
10. Lyapunov, B. M. (1968) Drevneishie vzaimnye svyazi yazykov russkogo i ukrainskogo i nekotorye vyvody o vremeni ikh vozniknoveniya kak otdelnykh lingvisticheskikh grupp [The ancient interrelated connections of the Russian and Ukrainian languages and some conclusions on the time of their origin as separate linguistic groups]. In: Barhudarov, S.G. (ed.) *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian historical lexicology]. Moscow: Nauka. pp. 163–202.
11. Shakhmatov, A.A. (1915) Zametki po istorii luzhitskikh yazykov. Po povodu knigi L.V. Shcherby: Vostochnoluzhitskoe narechie [Notes on history of Lusatian languages. On the book by L.V. Shcherba: Eastern Lusatian dialect]. *Izv. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti*. 21 (2). pp. 237–276.
12. Fortunatov, F.F. (1957) *Izbr. trudy: v 2-h t.* [Selected works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz. pp. 3–256.
13. Schleicher, A. (1861–1862) *Compendium der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd 1, 2. Weimar.
14. Brugmann, K. (1904) *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, XXVIII, 777 p.
15. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbr. trudy: v 2-h t.* [Selected works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz. pp. 21–197.
16. Jakobson, R. (1963) Tipologicheskie issledovaniya i ikh vklad v sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie [Typological researches and their contribution into comparative-historical linguistics]. *Novoe v lingvistike*. 3. pp. 97–108.
17. Shakhmatov, A.A. (1910–1911) *Kurs istorii russkogo yazyka*. (chitan v S.-Peterburgskom un-te v 1908–9 uch. g. Vvedenie [Course on the Russian language history. Taught at St. Petersburg University in the 1908/9 academic year. Introduction]. 2nd ed. Part 2. St. Petersburg: elektrich. skoropech. Ya. Rashkova.
18. Budde, E.F. (1896) *K istorii velikorusskikh govorov. Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya narodnogo govora v Kasimovskom uezde Ryazanskoj gubernii* [To the history of Great Russian dialects. Experiment on historical-comparative investigation in Kasimov district of Ryazan Province]. Kazan.
19. Bulich, S.K. (1902) Fortunatov (Filipp Fedorovich). In: Brokgaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Vol. 36. St. Petersburg: F.A. Brokgaus, I.A. Efron. pp. 322–323
20. Schmidt, J. (1872) *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*. Weimar.
21. Shukhardt, G. (1950) *Izbrannye stat'i po yazykoznaniyu* [Selected articles on linguistics] Moscow: Izd-vo inostr. lit.
22. Mel'nichuk, A.S. (1989) Problematika rekonstruktsii v sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii [Reconstruction problems in comparative-historical linguistics]. In: Desnitskaya, A.V. (ed.) *Aktual'nye voprosy sravnitel'nogo yazykoznaniya* [Topical issues of comparative linguistics]. (pp. 20–32). Leningrad: Nauka.

23. Desnitskaya, A.V. (1955) *Voprosy izucheniya rodstva indoevropskikh yazykov* [Problems of investigation of the relationship of the Indo-European languages]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Shakhmatov, A.A. (1984) Nabroski vozrazheniy na dispute Timchenka. 23 fevralya 1913 g. (Neopublikovana praca) [Publikatsiya V. A. Glushchenko] [Notes of objection at Timchenko discussion. February 23, 1913. (Unpublished work) [Published by V.A. Glushchenko]]. *Movoznavstvo – Linguistics*. 4. pp. 52–60.
25. Shakhmatov, O.O. (1913) Do pytannya pro pochatok ukraïnskoyi movy. Kilka sliv na novu praci z gramatyky ukraïnskogo yazyka: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal-Stockyj und T. Gartner [To the question on the beginning of the Ukrainian language. Some notes on a new work on the Ukrainian language grammar: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal-Stockyj und T. Gartner]. *Ukrayina – Ukraine*. 1. pp. 7–19. (In Ukrainian).
26. Shakhmatov, A.A. (1909) [Rets.:] A.E. Krymskii. Ukrainskaya grammatika dlya uchenikov vysshikh klassov gimnazij i seminarij Pridneprov'ya [Review:] Krymskii, A.E. (1907–1908) Ukrainian grammar for senior students of gymnasiums and seminaries of the Dnieper region]. *Rocznik slawistyczny*. 2. pp. 135–174.
27. Zhuravlev, V.K. (1990) Moskovskaya fortunatovskaya shkola [Moscow Fortunatov school]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 317–318.
28. Vostokov, A.Kh. (1865) *Filologicheskie nablyudeniya* [Philological observations]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 1–27.
29. Potebnya, A.A. (1981) Istoriya russkogo yazyka. Lektsii, chitannye v 1882–3 ak. g. v Khar'kovskom un-te [Publikatsiya S.F. Samoylenko] [History of the Russian language. The lectures taught in 1882/3 academic year at Kharkiv University. Published by S.F. Samoylenko]. In: Yizhakevich, G.P. (ed.) *Potrebnyans'ki chitannya* [Potebnya readings]. Kyiv: Nauk. Dumka. pp. 119–168.
30. Kolosov, M.A. (1872) *Ocherk istorii zvukov i form russkogo yazyka s XI po XVI stoletie* [Essay on history of sounds and forms of the Russian language from the 11th till the 16th centuries]. Warsaw.
31. Zhitetskii, P.I. (1876) *Ocherk zvukovoy istorii malorusskogo narechiya* [Essay on sound history of Small Russian dialect]. Kyiv.
32. Durnovo, N.N. (1924) *Ocherk istorii russkogo yazyka* [Essay on the Russian language history]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
33. Porzhezinskiy, V.K. (1920) *Kratkoe posobie k lektsiyam po istoricheskoy grammatike russkogo yazyka, chitannym na b. Vysshikh zhenskikh kursakh. Vvedenie i fonetika* [Concise textbook to the lectures on the historical grammar of the Russian language, taught at the former Higher Women Courses. Introduction and phonetics]. 3rd ed. Moscow: Gosizdat.